

ЛЕВ ВИЗАН

ПОКА БОГ ЧИТАЕТ

повесть-письмо

АВТОРСКОЕ ИЗДАНИЕ · 2026

Лев Визан

Пока Бог читает

«Автор»

2026

Визан Л.

Пока Бог читает / Л. Визан — «Автор», 2026

Семидесятидевятилетний поэт узнаёт, что ему осталось несколько недель. Он садится писать Богу. У него есть вопросы, которые нельзя задать врачу, и воспоминания, в которых он слишком долго оставался невиновным. Пока письмо растёт, приходится звонить живым, слушать их ответы и мириться с тем, что раскаяние ещё не даёт права на прощение. «Пока Бог читает» — повесть-письмо о вере, человеческой власти и близости, которая остаётся возможной даже там, где прошлое уже не исправить.

© Визан Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От редактора	5
Часть I. МГНОВЕНИЕ ОБРАЩАЕТСЯ К ВЕЧНОСТИ	6
1. Комната, где осталось небо	6
2. Семь дней	8
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Пока Бог читает

От редактора

Настоящий текст подготовлен к публикации после смерти автора. Имена, обстоятельства и отдельные эпизоды изменены или удалены по просьбе людей, упомянутых в письме. Там, где согласие получить не удалось, оставлены пробелы.

Художественное произведение. Поэт-рассказчик и редактор письма — персонажи книги.
© Лев Визан, 2026. Все права защищены. 16+.

Часть I. МГНОВЕНИЕ ОБРАЩАЕТСЯ К ВЕЧНОСТИ

ДНИ 1–7

Смерть забирает у человека время на красивую ложь, но не обязательно делает его честным.

1. Комната, где осталось небо

Мне семьдесят девять лет, и я живу в комнате, которая с каждым месяцем становится больше меня. Раньше здесь не хватало места для гостей, рукописей, табачного дыма и самоуверенности. Теперь между кроватью и столом лежит такое расстояние, что порой я прохожу его в два приёма.

У окна стоит стул с продавленным сиденьем. На подоконнике — стакан, три таблетки и засохший базилик, который я продолжаю поливать из уважения к его терпению. Над кроватью висит фотография: молодой человек смотрит мимо объектива, потому что уверен, будто впереди у него достаточно времени, чтобы однажды посмотреть прямо.

От прежней жизни осталось удивительно мало вещей. Зато осталось небо. По утрам оно входит в комнату тонкой полосой и ложится на пол, как письмо без адреса. Сегодня я решил ответить.

Врач не произнёс слово «смерть». Врачи давно научились обходить его, как лужу на тротуаре. Он сказал: «Нам следует быть готовыми», потом перевёл взгляд на мои руки. Значит, подумал я, к чему-то должен быть готов не он.

Я спросил, сколько осталось. Он назвал несколько недель и сразу добавил, что организм непредсказуем. Это была вежливая форма надежды, которой не верил ни один из нас. Я поблагодарил его. В коридоре пахло хлоркой, мокрыми пальто и чужим ожиданием.

Возвращаясь домой, я вдруг понял: меня пугает не то, что я перестану помнить мир. Меня пугает, что мир продолжит помнить меня неправильно. Несколько старых стихотворений, две злые рецензии, фотография в энциклопедии. И ни слова о том, как трудно мне было оставаться человеком между всеми этими строчками.

Ночью я положил перед собой чистый лист. Бумага была белее больничной стены и строже любого судьи. Я перепробовал обращения: «Господи», «Создатель», «Тот, кто слышит». Каждое звучало чужим костюмом, взятым напрокат для похорон.

Я написал просто: «Бог».

Чернила легли неровно. Рука дрогнула, и последняя буква вышла похожей на открытую дверь. Я смотрел на неё долго, почти суеверно. Потом рассмеялся. Если Тот, кому я пишу, существует, его едва ли удивит плохой почерк старика. Если не существует, тем более некого стесняться.

Труднее было решить, о чём просить. Здоровья? Поздно. Прощения? Слишком удобно. Я перевернул лист и записал, как врач смотрел на мои руки. С этого можно было начать: рассказать тебе то, что я видел отсюда.

На следующее утро Мария Антоновна пришла раньше звонка будильника. Открыла дверь своим ключом, поставила на плиту чайник и долго искала чистую чашку. Я лежал, слушая, как она двигает мои вещи, и сердился на каждый звук. Чужая забота впервые вошла в дом без приглашения, потому что приглашать я уже не мог.

— Рубашку сменим, — сказала она.

— Я сам.

До ванной я дошёл, держась за стену. Пуговица не проходила в петлю. Пальцы дрожали, ткань липла к спине. Мария ждала за дверью и через несколько минут спросила, нужен ли стул. Я ответил слишком громко. Потом сел на закрытую крышку унитаза и не смог подняться.

Она вошла без торжества, помогла переодеться, отвернув лицо ровно настолько, чтобы сохранить мне остаток частной жизни. Я поблагодарил. Мария сказала:

— Сегодня благодарите. Завтра будете ругаться.

— Откуда вы знаете?

— Я двадцать лет ухаживаю за людьми, которые привыкли быть главными.

Она принесла чай и положила ручку ближе к правой ладони. В тот день я впервые написал страницу, не сумев сам застегнуть рубашку.

За стеной женщина укладывала ребёнка. Мальчик не хотел спать и задавал вопросы, на которые взрослые отвечают тише, чем нужно: почему люди стареют, куда уходит темнота утром, видят ли умершие наши сны. Мать сначала смеялась, потом устала и сказала: «Давай завтра».

Снизу кто-то двигал стул. На лестнице ругались супруги. В трубе шла вода. Дом звучал, как огромный организм, которому никто не объяснил, зачем он живёт, но который продолжал дышать всеми квартирами сразу.

Я подумал: если Бог есть, он слышит весь дом сразу — детский вопрос, материнскую усталость, злость за стеной, воду в трубах и моё перо. Как он различает нас в этом шуме?

К полудню лекарство поднялось к горлу металлической горечью. Я сделал три шага до раковины, переждал тошноту и вернулся к столу уже без стакана: пальцы не удержали его, вода растеклась по половицам. Мария Антоновна вытерла пол, ничего не сказав. От этого молчания мне стало стыднее, чем от самой слабости.

Писать я мог теперь по сорок минут. Потом буквы начинали дрожать вместе с рукой, и приходилось ложиться. По будильнику день делился на короткие участки, в которых тело ещё разрешало мне быть автором. Остальное время я был пациентом, зависимым от чужого ключа, воды и терпения.

Под утро я открыл окно. Октябрьский воздух пах мокрой листвой. На противоположной крыше сидела женщина в рабочем комбинезоне и чинила антенну. Внизу дворник поднимал опрокинутую урну. Город занимался своими маленькими делами, не подозревая, что один старик приготовился объяснить вечности человека.

Самонадеянность замысла была почти смешной. Я не понял до конца даже собственную жизнь. Несколько раз перепутал любовь с потребностью, достоинство с обидой, правду с желанием победить. И всё же кому, кроме несовершенного, рассказывать о несовершенстве?

Я закрыл окно, сел за стол и написал вторую строку:

**Бог, я не знаю, есть ли ты. Но если есть, сегодня тебе придётся
узнать, что значит быть мной.**

Комната не изменилась. Только полоска света на полу стала шире.

2. Семь дней

Я назначил себе семь дней. Врач не был так точен. Просто бесконечность всегда губила мои рукописи. Когда впереди целая жизнь, каждую фразу можно отложить до лучшего утра. Когда впереди неделя, утро становится лучшим уже потому, что пришло.

На календаре я обвёл семь клеток. В первой написал «страх», во второй — «любовь», в третьей — «вина», в четвёртой — «Бог». Остальные оставил пустыми. Человек всегда переоценивает свою способность заранее распределить правду.

Я приготовил стопку бумаги, два карандаша, чернильную ручку и старый будильник. Он давно спешил на девять минут, но я не стал исправлять. Пусть хотя бы одна вещь в этой комнате считает, что времени у меня больше, чем есть на самом деле.

В первый день память была послушной. Она приносила мне лица, голоса, даже запахи. На второй начала хитрить: подсовывала чужие слова вместо моих, переставляла годы, меняла цвет платья женщины, которую я когда-то любил. К третьему дню я понял, что память не архив. Это последняя живая версия прошлого, и она тоже боится умереть.

Я записывал всё, в чём сомневался, из уважения к сомнению. Платье могло быть синим или зелёным. Важнее, что я помню, как не сказал ей: «Останься», потому что хотел, чтобы она догадалась сама.

Мы часто называем правдой подробности и пропускаем поступок.

Бог, если ты ведёшь книги, не исправляй цвет платья. Исправь место, где моё молчание стало дверью, через которую человек ушёл.

За эти дни мир приблизился так, словно его внесли под увеличительное стекло. Я забывал пить чай, следя, как над поверхностью исчезает пар. На звонок телефона вздрагивал. Иногда звонили из аптеки и предлагали скидку на покупку в следующем месяце.

Я всю жизнь ждал минут, которые объявят себя великими. Оказалось, они приходили ежедневно и выглядели обыкновенно. Я проходил мимо, потому что они не сопровождались музыкой.

Вечером соседка попросила соли. Я вынес солонку и зачем-то задержал её ладонь. Она отёрнулась. Я извинился и понял, как легко жажда близости превращает другого в предмет твоего последнего опыта.

На четвёртый день я проснулся с уверенностью, что сегодня вторник. Была суббота. Ошибка длилась всего несколько секунд, но в ней открылось страшное: мир может продолжаться, пока ты уже не совпадаешь с ним.

Я представил, как однажды не узнаю своё окно, стол, собственное имя. Если это случится, останусь ли я тем, кто писал письмо? Или человек существует только там, где помнит цепочку причин, приведших его к сегодняшнему стулу?

Тогда я записал на отдельном листе: «Если я забуду, прочтите мне это вслух. Не возвращайте мне факты. Скажите, что я пытался быть честным в самом конце». Лист прикрепил к стене.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.